

О.В. Быстрова

Открытое письмо М. Горького С.М. Буденному: к истории вопроса

В статье рассматривается проблема взаимоотношений М. Горького и И.Э. Бабеля; впервые публикуется черновой автограф «Ответа С. Буденному» Горького, в котором писатель защищает молодого автора от нападок со стороны руководства Первой Конной армии. Рассмотрен вопрос редакторской правки этого письма со стороны редколлегии газеты «Правда».

Ключевые слова: М. Горький; «Ответ С. Буденному»; И. Бабель; «Конармия»; творческий метод.

Максим Горький узнал о начинающем авторе И. Бабеле зимой 1916 г., когда опубликовал два его рассказа — «Эля Исаакович и Маргарита Прокофьевна» и «Мама, Римма и Алла» — в журнале «Летопись». Редактор журнала стал для молодого автора первым учителем, о котором он никогда не забывал: «я всем обязан этой встрече и до сих пор произношу имя Алексея Максимовича с любовью и благоговением. Он напечатал первые мои рассказы <...> он научил меня необыкновенно важным вещам» [4: с. 31–32].

Много позже Бабель, вспоминая о тех годах, писал: «Я приносил ему все, что писал, а писал я по одному рассказу в день. Горький все читал, все отвергал и требовал продолжения. Наконец мы оба устали, и он сказал мне своим глуховатым басом: “С очевидностью выяснено, что ничего вы, сударь, толком не знаете, но догадываетесь о многом... Ступайте посему в люди...”» [5: с. 369]. И Бабель пошел «в люди», как некогда сам Горький. О своей «командировке», длившейся семь лет, он вспоминал: «...много дорог было мною исхожено и многих боев я был свидетель <...> я сделал вторую попытку печататься» и получил от Горького «записку: “Пожалуй, можно начинать...”» [5: с. 369].

В качестве корреспондента армейской газеты «Красный кавалерист» Бабель воевал в годы Гражданской войны в Первой Конной армии под командованием С.М. Буденного. Новеллы из будущей «Конармии» появились в печати в феврале – апреле 1923 г. в одесских «Известиях» («Прищеп», «Учение о тачанке», «Смерть Долгушова» и др.). Но сам Бабель начало литературной работы относил к 1924 г., когда новеллы цикла стали печататься в журнале «Красная новь» (№ 1). В этих новеллах перед читателем предстала жизнь, в которой переплелись воедино героизм и жестокость, правдоискательство и душевная неразвитость, прекрасное и отвратительное, смешное и трагическое.

«Конармия» Бабеля — маленькие истории, увиденные и рассказанные Кириллом Васильевичем Лютовым, в которых резкими штрихами обрисованы люди в отдельных эпизодах и ситуациях. Логика размышлений, противоречивые чувства и впечатления Кирилла Лютова близки автору. На эту особенность повествования еще в 1924 г. обратил внимание А.К. Воронский: «Обрисовки Бабеля <...> импрессионистичны, и этого никогда не нужно забывать; он оттеняет одну-две основные черты в типе, в образе, в картине, оставляя остальное в тени, в стороне, неосвещенным, но подчеркивает он всегда точно» [12: с. 156].

Пытаясь разобраться в феномене конармейца, Бабель отмечал в своем дневнике: «Что такое наш казак? Пласты: барахольство, удальство, профессионализм, революционность, звериная жестокость» [4: с. 381–382]. Таковыми, какими они были на самом деле, без прикрас и преувеличений, Бабель и изобразил конармейцев в своих новеллах — с противоречивыми характерами, непредсказуемым поведением в неординарных ситуациях.

«Конармия» Бабеля была воспринята современниками неоднозначно. Литературная критика оценила ее восторженно, например, А.К. Воронский [9: с. 146–163] или Д. Святополк-Мирский [16: с. 486–488]. Однако командарм С. Буденный, не узнавший в «Конармии» ни себя, ни своих бойцов, выступил с обвинениями в печати, заявив, что эта книга — «клевета» и «бабьи сплетни» [11: с. 196]. Буденный обвинял писателя в намеренной дегероизации истории. Были предприняты попытки запретить печатание книги «Конармия», подвергнув очерки строжайшей идеологической цензуре (см. подробнее: [13: с. 88–111]).

Бабель пытался защищаться, говоря о других задачах, стоявших перед ним; он так объяснял движение своего творческого метода: «полученные от действительности впечатления, образы и краски я забываю. И потом возникает одна мысль, лишенная художественной плоти, одна голая тема... Я начинаю развивать эту тему, фантазировать, облекая ее в плоть и кровь, но не прибегая к помощи памяти... То, что кажется мне фантазией, вымыслом, часто впоследствии оказывается действительностью, надолго забытою и сразу восстановленной этим неестественным и трудным путем. Так была создана “Конармия”» [15: с. 3].

Логика построения текста созвучна тем беседам, которые происходили между Бабелем и Горьким на Кронверкском в далеком 1916 г. Об этом же Горький писал в ноябре 1927 г. начинающему автору Д. Хайту: «Художник должен жить не в действительности, не в стороне от нее, а над нею. Тогда-то он и найдет в ней то существенное, что даст ему неоспоримо ценный материал для подлинного искусства <...> Возьмем пример — Бабеля. Буденный украшает своих солдат и лошадей своих извне — Бабель украсил их изнутри. Подумав <над> этим, вы, надеюсь, согласитесь с Бабелем, потому что ведь его солдаты “Конармии” больше люди, чем солдаты Буденного» [7: с. 616–617].

В мае 1926 г. «Конармия» Бабеля впервые была издана отдельной книгой и выдержала восемь изданий при жизни автора; книга, вышедшая шестым изданием в 1931 г., была подарена автором Горькому и хранится в личной библиотеке писателя [14: с. 63 (№ 727)]. Писатель ценил талант молодого автора. Примечателен обмен мнениями Горького с Р. Ролланом о Бабеле. 20 февраля 1928 г. Роллан интересовался у Горького: «...знакомы ли Вы с Бабелем? Я читал отрывки из его произведений, проникнутые неукротимой силой» [9: с. 152]. В ответ получил восторженный отклик Горького: «Это — человек очень крупного и красного таланта и человек строгих требований к себе самому. Его “Конная армия” — ряд превосходно сделанных этюдов в стиле Гоголя-романтика, автора “Тараса Бульбы” — Гоголя до “Ревизора” и “Мертвых душ”. Бабель — большая надежда русской литературы» [9: с. 153].

Своего мнения Горький не изменил и в сентябре 1928 г., когда ему пришлось участвовать в новом витке скандальной эпопеи, продолженной инспектором кавалерии С.М. Буденным.

Весной 1928 г. Горький приступил к работе над статьей «О том, как я учился писать». 18 апреля 1928 г. он писал ученикам средней школы г. Месягутово Башкирской АССР, что к нему почти ежедневно обращаются с вопросом: как он учился писать, — и что, не имея возможности ответить каждому корреспонденту, он решил написать об этом книжку. Статья Горького впервые была напечатана отдельной брошюрой под названием «Рабселькорам и военкорам о том, как я учился писать» (М.: Госиздат, 1928). Отрывок из статьи опубликован 30 сентября 1928 г. в газетах «Правда» и «Известия ЦИК СССР и ВЦИК».

В числе многих упоминаемых русских и советских авторов был И. Бабель, которого Горький охарактеризовал так: «Товарищ Буденный охаял “Конармию” Бабеля — мне кажется, что это сделано напрасно: сам товарищ Буденный любит извне украшать не только своих бойцов, но и лошадей. Бабель украсил бойцов его изнутри и, на мой взгляд, лучше, правдивее, чем Гоголь запорожцев» [6: с. 473].

Учитывая, что все обвинения против книги Бабеля, выдвинутые в 1924 г., к 1928 г. были благополучно забыты, тем неожиданнее было получение Горьким письма от заместителя главного редактора газеты «Правда» М.И. Ульяновой 20 сентября 1928 г., в котором она просила: «Дорогой А.М.! Посылаю Вам письмо Буденного, присланное в “Правду”. Хотелось бы получить Ваш ответ на него — думаете ли дать его?» [10: с. 80]. Ответ Горького на это письмо не известен, но 26 октября 1928 г. газета «Правда» опубликовала «Открытое письмо Максиму Горькому» С.М. Буденного.

Горький откликнулся практически сразу. Он написал свое открытое письмо инспектору кавалерии. В настоящей статье публикуется впервые черновой автограф письма²:

² При публикации чернового автографа письма принято следующее обозначение: в квадратных скобках вписан текст, который был позже вычеркнут самим Горьким, например: [еще более] и т. д.; знаки препинания авторские и при публикации не правятся.

«Уважаемый товарищ Буденный!

Не могу согласиться с Вами в оценке “Конармии” Бабеля и [еще более] решительно протестую против Вашей квалификации этого талантливой писателя.

Вы говорите, что Бабель “плелся где-то с частицей глубоких тылов”. Это не может порочить ни Бабеля, ни его книгу. Для того, чтоб сварить суп, повар не должен сам [садит<ься>] сидеть в кастрюле. Автор “Войны и мира” лично не участвовал в драках с Наполеоном, Гоголь не был запорожцем.

Вы говорите [фабула] об “эротомании” автора. Я только что прочитал книжку Бабеля еще раз [но] и не нашел в ней признаков этой болезни у автора, но, разумеется, не отрицаю наличия эротических деталей в его очерках, [об этом] Это так и должно быть: война всегда возбуждает бешеную эротику, об этом говорит нам всякая война. Это подтверждается поведением немцев в Бельгии, русских в Восточной Пруссии [Это, я думаю, даже и не болезнь] Я склонен [обо<бщать>?] считать это явление естественным, — хотя и ненормальным — повышением “инстинкта [жизни] продолжения рода”, инстинкта жизни у людей, которые стоят лицом к лицу со смертью.

Читатель внимательный, я не нахожу в книге Бабеля ничего “карикатурно пасквильного”, наоборот: его книга возбудила у меня к бойцам “Конармии” и любовь и уважение, показав мне их действительно героями, [бесстрашными в своем запале и] бесстрашные, они глубоко [сознающими] чувствуют величие своей борьбы. Такого красочного и живого изображения единичных [бор<цов>?] бойцов, которое давало бы мне ясное представление о психике всего коллектива, всей массы “Конармии” и помогло бы мне понять силу, которая позволила ей совершить исторический ее поход, я не знаю в русской литературе. [Кавалерийская] Атака [французов] французской кавалерии в “Разгроме” Э. Золя показывает только механическое движение массы, механический удар ее.

Не соглашусь с Вами и в том, что [они] Ваши бойцы “простые, обыкновенные люди” — я не посчитал бы их такими даже и не читая очерков Бабеля, который талантливо дополнил мое представление о героизме первой [армии] за всю историю армии, которая знает, за что она бьется [знает, за что] и ради чего будет биться.

[Т. Буденный, Вы — не правы в Вашем отношении к Бабелю и Вы слишком резки]

Тов. Буденный, разрешите сказать Вам, что [тон] резким и неоправданным тоном Вашего письма Вы [не только] наносите молодому писателю оскорбление, не заслуженное им. [Но Вы можете физически уничтожить его, возбуждая Ваших бойцов против человека, орудие которого только перо.]

Писателям переходного момента, живущим в сложнейших условиях, в стране, где [на два] не меньше 20 миллионов собственников-индивидуалистов и только два миллиона [коммунистов] марксистов, из которых, [вероятно] может быть, [только] половина говорит по Марксу так же сознательно, как попугаи по-человечески, — в этих условиях ко всем писателям нашего времени невозможно предъявлять требования строгой идеологической выдержанности. Противоречива наша действительность и к тому же не так поучительна, как прошлое, легко и быстро учившее нас любить и ненавидеть. Писатель — человек, который живет действительностью, пользуясь красками фантазии для того только, чтоб

сделать действительность ярче, понятней, — чтоб возбудить к ней [актив<ное>?] у читателя отношение активной любви или активной ненависти [уважения к ней или презрения]. Не забудьте, что еще не вымерли люди, воспитанные на религиозном отношении к собственности, и что [собственность] все несчастья, [горе] все драмы жизни и все ее мерзости коренятся в инстинкте собственности, который издревле прославлялся как священная основа государства и [единст<венный>?] главнейший источник счастья личности.

[Мы должны дорожить писателями, для которых этот инстинкт ненавистен и даже теми, у которых он вызывает сомнение в его праве]

В десяток лет невозможно [переродить людей] перевоспитать людей, которые воспитывались тысячелетиями в поклонении [золотому тельцу, но мы должны] золоту, деньгам. Но мы, в наших интересах, обязаны относиться бережно и терпимо ко всякому человеку, который [так] способен помочь нам в борьбе против загнивших, но еще крепких устоев проклятой позорной старины. Бабель — способен. Нас вовсе не так много, чтобы мы могли беззаботно отталкивать от себя талантливых и полезных людей. Вы не правы, Тов. Буденный, Вы ошибаетесь. И Вы забыли, что к Вашим суждениям прислушиваются не только десятки тысяч Ваших бойцов.

Для того, чтобы сварить суп, повар не должен садиться в кастрюлю. Автор “Войны и мира” не участвовал в драках с Наполеоном, Гоголь не был запорожцем.

Вы въехали в литературу на коне, и с высоты коня критикуете ее, уподобляя себя тем критикам [которые разъезжают, катаются по литературе в телегах и на салазках, хотя] для правильной и полезной критики [необходимо] нужно, чтоб крит<ик>по крайней мере на одном уровне с [него] литератором. У нас критики весьма часто въезжают в литературу на телегах весьма плохо усвоенной теории и нужно...

Въехав в литературу на коне и с высоты коня критикуя ее, Вы уподобляете себя тем бесшабашным и безответственным критикам, которые разъезжают по литературе в телегах плохо усвоенной теории, а для правильной и полезной критики необходимо, чтоб критик был или культурно выше литератора, или, по крайней мере — стоял на одном уровне культуры с ним» [2].

Черновик письма дает представление о том, какой текст был направлен в «Правду». Об этом Горький сообщал М.И. Ульяновой 2 ноября 1928 г. [10: с. 80]. Однако 14 ноября 1928 г. председатель Правления Госиздата А.Б. Халатов и член Бюро редколлегии «Правды» Г.И. Крумин направили писателю официальное письмо, в котором писали:

«Дорогой Алексей Максимович!

Ваш ответ тов. Буденному о “Конармии” Бабеля мы получили.

Мы немедленно его опубликуем по получении от Вас ответа на следующий наш вопрос. Нам казалось бы, что последняя фраза: “Въехав в литературу на коне и с высоты коня критикуя ее, Вы уподобляете себя тем бесшабашным и безответственным критикам, которые разъезжают по литературе в телегах плохо усвоенной теории, а для правильной и полезной критики необходимо, чтоб критик был или культурно выше литератора, или — по крайней мере — стоял на одном уровне культуры с ним”, будет воспринята как личное оскорбление. Те товарищи,

с которыми мы советовались, придерживаются такого же мнения. Поэтому мы задержали печатание Вашего письма на несколько дней с тем, чтобы просить Вас согласиться внести некоторые изменения, редакционного, по преимуществу, порядка, касающиеся конца письма. Можно было бы сформулировать последнее предложение так: “Критика полезна при том условии, если критик объективен и внимателен к молодым растущим силам”.

Не откажите, Алексей Максимович, известить нас по телеграфу о своем согласии. По получении телеграммы от Вас, Ваше письмо будет немедленно опубликовано» [1].

В процессе обмена мнениями по редакции письма последняя фраза письма приобрела следующий вид: «Для правильной и полезной критики необходимо, чтобы критик был объективен и внимателен к молодым литературным силам» [8]; впрочем, и само письмо стало чуть сдержаннее.

Это отметил Бабель, написавший своей знакомой А.Г. Слоним в ответ на ее просьбу выслать номер газеты: «Номера “Правды” с письмом Буденного у меня, к сожалению, нету. Не держу у себя дома таких вонючих документов. Прочитайте ответ Горького. По-моему, он слишком мягко отвечает на этот документ, полный зловонного невежества и унтер-офицерского марксизма» [5: с. 291].

Действительно, «Конармия» Бабеля выделялась на общем фоне поисков литературы 1920-х гг., Горький понял художественную задачу, стоящую перед молодым автором, и по достоинству оценил и замысел книги, и ее воплощение. Бабель, поставив в центр внимания в своей «Конармии» человека, в котором причудливо переплелись старые предрассудки и проблески новой морали, сумел найти неповторимые краски и создать оригинальное произведение, без которого изображение Гражданской войны в русской литературе XX в. было бы неполным.

Но возвращаясь к истории полемики, стоит отметить и то, что в 1930 г. она была продолжена, хотя и не обсуждалась активно в центральной прессе. 23 марта 1930 г. Горькому в Сорренто было отправлено В.В. Вишневским письмо, к которому прилагалась книга «Первая конная» (М.: Федерация, 1930); адресат сообщал: «Вы участник значительного спора о “Конармии” Бабеля. Моя книга — книга рядового буденовца, до известной степени ответ Бабелю. Так ее расценивает, в кратких словах, наша пресса (“Лит. газета” и др.).

Я бы хотел, чтобы вы могли глубоко вникнуть в то, что вырвалось у меня из сердца, и сказать — насколько удачна вещь и прав ли был Бабель, когда односторонне, искривленно показал нас, буденовцев <...> Несчастье Бабеля в том, что он не боец. Он был изумлен, испуган, когда попал к нам, и это странно-болезненное впечатление интеллигента от нас отразилось в его “Конармии”.

Буденный мог оскорбиться и негодовать. Мы, б<ывшие> рядовые бойцы, тоже. Не то, не то дал Бабель! Многого не увидел. Дал лишь кусочек: Конармия, измученная в боях на польском фронте. Да и то не всю ее, а осколки. Верьте бойцу — не такой была наша Конная, как показал Бабель» [7: с. 46–47].

Однако Горький не увидел полемики с Бабелем, о чем сообщил автору: «Могу, однако, сказать, что никакого “ответа Бабелю” в пьесе Вашей нет — и хороша она именно тем, что написана в повышенном героическом тоне, так же как “Конармия” Бабеля, как “Тарас Бульба” Гоголя, “Чайковский” Гребенки. Бабеля — плохо прочитали и не поняли, вот в чем дело! Такие вещи, как Ваша “Первая конная” и “Конармия”, нельзя критиковать с высоты коня» [7: с. 48].

Казалось бы, к началу 1930 г. все акценты расставлены — все точки зрения высказаны, позиции определены; критики, по-прежнему, в восторге от талантливой книги. Доходчиво и ясно объяснен творческий метод художника: «“Конармия” Бабеля не есть Конармия Буденного. Писатель не имел в виду дать всестороннюю, художественно точную эпопею действительной Конармии, путем выделения основного ее духа и свойств, как это, например, сделал Л.Н. Толстой в “Войне и мире” <...> Толстой дал синтетическую, полную картину русского общества и армии 1812 года снизу доверху, Бабель ограничил себя тем, что из Конной армии выбрал и воссоздал ряд типов, лиц, случаев, для того чтобы с их помощью в образах выразить свое художественное мироощущение <...> Бабель — как импрессионист, хотя у него реалистический глаз наблюдателя силен всюду» [12: с. 154–155]. Позиция была сформулирована четко и без компромиссов: «Люди, ищущие у Бабеля толстовского подхода, предъявляют писателю вексель, которого он не подписывал и не выдавал, и требуют от него того, что совсем не входило в его художественные планы» [12: с. 155].

По мнению современного литературоведа И. Сорокиной, А.К. Воронский «чрезвычайно чутко и глубоко понял стиль Бабеля — его эпичность, характер его лиризма», он был убежден в «высокой художественной ценности» цикла и «пытался передать эту уверенность читателям» [17: с. 235]. Тем не менее отголоски травли Бабеля слышались еще долго. Известно письмо Горького главному редактору «Правды» Л. Мехлису, написанное в январе 1935 г., в котором писал: «К.Е. Ворошилов 15 лет не может простить талантливому Бабелю неправильно изображенный этим писателем какой-то ремень» [3].

Горький поддерживал Бабеля всегда; последние годы жизни писателя Бабель часто бывал у писателя и в Москве, и в Горках. На следующий день после смерти Горького Бабель написал матери: «Великое горе по всей стране, а у меня особенно. Этот человек был для меня совестью, судьей, примером. Двадцать лет ничем не омраченной дружбы и любви связывают меня с ним. Теперь — чтить его память — это значит жить и работать — и то и другое делать хорошо» [4: с. 349].

Обмен письмами Горького и Буденного, ставший достоянием прессы, несомненно, предопределил трагическую судьбу Бабеля. Теперь, когда не стало могучего защитника, некому было заступиться за автора «Конармии» от «очевидцев» тех далеких событий. 27 января 1940 г. И.Э. Бабель был расстрелян как «агент французской и австрийской разведок с 1934 года» [18: с. 8]; реабилитирован посмертно в апреле 1957 г.

Библиографический список

Источники

1. Письма А.М. Горького // ИМЛИ РАН. Архив А.М. Горького. КГ-п-83а-1-27.
2. Письма А.М. Горького // Архив А.М. Горького. ПГ-рл-7-5-1.
3. Письма А.М. Горького // Архив А.М. Горького. ПГ-рл-25-29-19.
4. *Бабель И.Э.* Соч.: в 2 т. / вступ. статья Г. Белой; сост. и подгот. текста А. Пирожковой; коммент. С. Поварцова. Т. 1. М.: Худ. лит., 1991. 478 с.
5. *Бабель И.Э.* Соч.: в 2 т. / сост. и подгот. текста А. Пирожковой; коммент. С. Поварцова. Т. 2. М.: Худ. лит., 1992. 574 с.
6. *Горький М.* Собр. соч.: в 30 т. Т. 24. М.: ГИХЛ, 1953. 576 с.
7. Горький и советские писатели: неизданная переписка // Лит. наследство. Т. 70. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 736 с.
8. *Горький М.* Ответ С. Буденному // Правда. 1928. № 275. 27 нояб.
9. М. Горький и Р. Роллан: переписка. (1916–1936) // Архив А.М. Горького. Т. XV. М.: Наследие, 1995. 544 с.
10. Переписка М. Горького с Н.К. Крупской, М.И. Ульяновой и А.И. Елизаровой-Ульяновой / вступ. статья, подготовка текста и примеч. О.В. Быстровой // Горький. Неизвестные страницы истории: (Материалы и исследования). Вып. 12. М.: ИМЛИ РАН, 2014. С. 53–136.

Литература

11. *Буденный С.* Бабизм Бабеля из «Красной Нови» // Октябрь. 1924. № 3. С. 196–197.
12. *Воронский А. И.* Бабель // Воронский А.К. Искусство видеть мир: Портреты. Статьи. М.: Сов. писатель, 1987. 704 с.
13. *Левин С.* О героическом в «Конармии» И. Бабеля: (Характеры персонажей в свете полемики) // Исаак Бабель в историческом и литературном контексте: XXI век: сб. материалов Междунар. науч. конф. в ГЛМ 23–26 июня 2014 г. М.: Книжники; Литературный музей, 2016. С. 88–111.
14. Личная библиотека А.М. Горького в Москве: описание: в 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1981. 412 с.
15. *Оль Ник.* «Я рад закрепить нашу дружбу»: И. Бабель у комсомольцев // Лит. газета. 1932. 5 сент.
16. *Святополк-Мирский Д.*, кн. [Рец. на кн.] И. Бабель. Рассказы. Госиздат. М.; Л., 1925 // Современные записки. 1925. Кн. XXVI. С. 486–488.
17. *Сорокина И.* Концепции литературного процесса в советской критике // В поисках новой идеологии: Социокультурные аспекты русского литературного процесса 1920–1930-х годов / отв. ред. О.А. Казнина. М.: ИМЛИ РАН, 2010. С. 230–289.
18. *Andruszko С.* Жизнеописание Бабеля Исаака Эммануиловича. Poznań, 1993. 128(2) с.

References

Istochniki

1. Pis'ma A.M. Gor'kogo // IMLI RAN. Arxiv A.M. Gor'kogo. KG-p-83a-1-27.
2. Pis'ma A.M. Gor'kogo // IMLI RAN. Arxiv A.M. Gor'kogo. PG-rl-7-5-1.
3. Pis'ma A.M. Gor'kogo // IMLI RAN. Arxiv A.M. Gor'kogo. PG-rl-25-29-19.

4. *Babel' I. Je.* Soch.: v 2 t. / vstup. stat'ya G. Beloj; sost. i podgot. teksta A. Pirozhkovej; komment. S. Povarczova. T. 1. M.: Xud. lit., 1991. 478 s.
5. *Babel' I. Je.* Soch.: v 2 t. / sost. i podgot. teksta A. Pirozhkovej; komment. S. Povarczova. T. 2. M.: Xud. lit., 1992. 574 s.
6. *Gor'kij M.* Sobr. soch.: v 30 t. M.: GIXL, 1953. T. 24. 576 p.
7. Gor'kij i sovetskie pisateli: neizdannaya perepiska // Literaturnoe nasledstvo. T. 70. M.: Izd-vo AN SSSR, 1963. 736 s.
8. *Gor'kij M.* Otvet S. Budennomu // Pravda. 1928. № 275. 27 noyab.
9. M. Gor'kij i R. Rollan: perepiska. (1916–1936) / Arxiv A.M. Gor'kogo. T. XV. M.: Nasledie, 1995. 544 s.
10. Perepiska M. Gor'kogo s N.K. Krupskoj, M.I. Ul'janovoj i A.I. Elizarovoj-Ul'janovoj / vstup. stat'ja, podg. teksta i primech. O.V. By'strovoj // Gor'kij. Neizvestny'e straniczy' istorii. Vy'p. 12. M.: IMLI RAN, 2014. S. 53–136.

Literatura

11. *Budyonny'j S.* Babizm Babelja iz «Krasnoj Novi» // Oktjabr'. 1924. № 3. S. 196–197.
12. *Voronskij A. I.* Babel' // Voronskij A.K. Iskusstvo videt' mir: Portrety'. Stat'i. M.: Sov. pisatel', 1987. 704 s.
13. *Levin S.* O geroicheskom v «Konarmii» I. Babelja: (Xaraktery' personazhej v svete polemiki) // Isaak Babel' v istoricheskom i literaturnom kontekste: XX vek / sb. materialov Mezhdunar. nauchn. konf. v GLM 23–26 iyunya 2014 g. M.: Knizhniki; Literaturny'j muzej, 2016. S. 88–111.
14. Lichnaya biblioteka A.M. Gor'kogo v Moskve: opisanie: v 2 t. T. 1. M.: Nauka, 1981. 412 s.
15. Ol' Nik. «Ya rad zakrepit' nashu družbu»: I. Babel' u komsomol'cev // Lit. gazeta. 1932. 5 sent.
16. *Svyatopolk-Mirskij D.*, kn. [Recz. na kn.] I. Babel'. Rasskazy'. Gosizdat. M.; L., 1925 // Sovremenny'e zapiski. 1925. Kn. XXVI. S. 486–488.
17. *Sorokina I.* Konceptii literaturnogo processa v sovetskoj kritike // V poiskax novoj ideologii: Sociokul'turny'e aspekty' russkogo literaturnogo processa 1920–1930-x gg. / otv. redaktor O.A. Kaznina. M.: IMLI RAN, 2010. S. 230–289.
18. *Andruszko C.* Zhizneopisanie Babelya Isaaka Jemmanuilovicha. Poznan', 1993. 128(2) s.

O.V. Bystrova

M. Gorky's Open Letter to S. Budyonny: on the Story of the Issue

The article dwells on the relations between M. Gorky and I. Babel. The draft autograph of Gorky's «Answer to S. Budyonny» is published for the first time. In it, the writer defends the young author from the attacks on the part of the First Cavalry army authorities. The letter editing by the editorial board of the newspaper «Pravda» is explored.

Keywords: M. Gorky; «Answer to S. Budyonny»; I. Babel; «Cavalry army»; constructive method.